

Мясницкий Иван Ильич

Мануфактур-советник
Повесть

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Мануфактур-советник: Повесть / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 525 с.

ISBN 978-5-519-98460-7

ISBN 978-5-519-98460-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Мальчуганъ, съ покраснѣвшимъ отъ мороза носомъ и заиндевѣвшими рѣсницами, мигавшими надъ большими голубыми глазами, потиралъ поминутно открытыя уши перезябшими пальцами рукъ, которыя онъ по-очереди опускалъ для „согрѣва“ въ карманы мѣшковатаго полушубка, видимо попавшаго къ нему съ чужихъ плечъ, и немилосердно двигалъ носомъ.

У дверей Простодумовской лавки въ это время стоялъ и поскакивалъ съ ноги на ногу „молодецъ“, отогрѣвая дыханіемъ перезябшіе и красные, какъ у гуся лапы, пальцы.

— Милостивецъ,—обратилась къ нему женщина, покрытая платкомъ.—Дозвольте васъ побеспокоить?!

— Что, тетенька, надо?—справился тотъ, не прекращая своего танца.

— Лавку бы мнѣ купца... Ветошной вѣдь это рядъ?

— Ветошной...

— Какъ купца-то по фамиліи?.. Миша,—повернулась она къ мальчугану, усердно потиравшему ладонями оба уха,—у тебя записка?

— Простодумовъ купецъ, крестненькая,—отвѣтилъ мальчуганъ, поднимая глаза на вывѣску,—это тутъ и есть...

— Здѣсь Простодумова лавка. Тебѣ кого?—спросилъ „молодецъ“.

— Да самого хозяина, милостивецъ... Самого хозяина...

— Занять... Обожди.

— Слушаю, милостивецъ, слушаю... Миша, приткнись къ стѣнкѣ-то, не мѣшай прохожимъ.

Мальчуганъ приткнулся и съ любопытствомъ уставился на молодца, продолжавшаго танцевать возлѣ лавки.

— Да ты что? По случаю бѣдности, что-ли?—снова спросилъ молодецъ, подскакивая къ женщинѣ.

— Насчетъ мальчика, милостивецъ. Насчетъ вотъ этого самаго... у вашего хозяина нянька живетъ...

— Знаю, ну?

— А съ нянькиной сестрой мы въ сосѣдяхъ по фатерамъ...

— Такъ, такъ. Ну?..

— Ну, и просили мы сестру няньки вашей... хозяйской, то-есть, чтобъ Мишу къ вашему хозяину по торговой части пристроить...

Молодецъ покосился на мальчугана, съ большимъ интересомъ слѣдившаго за всѣми его движеніями, и буркнулъ:

— Уши малы!

— Какъ малы, милостивецъ?—удивилась та.

— Да такъ. Драть не за что. За вихры нешто... ну, да у насъ вытянуть,—успокоилъ онъ встревоженную женщину.—Главный прикащикъ у насъ дока по этой части: двумя пальцами рѣдку изъ земли таскаетъ... Писать умѣетъ?

— И писать, и читать, и цыфирь всякую... Два года въ городскомъ учился...

— Такого возьмутъ,—продолжалъ молодецъ, отчаянно дужа на пальцы.—У насъ сичасъ здорово письмо отстаетъ... Конторщикъ одинъ, а подручный простудился и въ больницу попалъ... Мишкой—тебя?

— Мишей, а не Мишкой,—вспыхнулъ тотъ, отстраняя руку молодца, которая потянулась было, въ видѣ репетиціи, къ его уху.

— Отъ земли не видать, а съ занозой,—удивился молодецъ.—Офицерскаго званія, что ли, вы?—съ недоумѣніемъ обратился онъ къ женщинѣ.

— Цеховые, милостивецъ...

— Цеховые? Ахъ, чортъ васъ дери!.. Мастеровой съ анбиціей! Ха-ха-ха...

Въ это время отворилась дверь, и изъ лавки вышелъ грузный купецъ съ сѣдою бородой и густыми нависшими бровями.

Молодецъ моментально сократился и изогнулся въ дугу

— Къ вамъ-съ, Иванъ Семенычъ,—отвелъ онъ въ сторону женщины руку съ оттопыреннымъ впередъ большимъ пальцемъ.

— Ко мнѣ? Что, голубушка?

— Сами хозяинъ, милостивецъ, будете?—вмѣсто отвѣта спросила та.

— Хозяинъ, хозяинъ...

— Мальчишку я къ вамъ привела, милостивецъ... о которомъ нянька ваша, Федосья Ермиловна, старалась... чтобы къ вамъ придѣлать, по торговому дѣлу...

— А! Да, да... Просила она, точно... Этотъ самый, что-ль?

— Самый настоящий, милостивецъ... Мишенька, кланяйся его степенству... да картузь-то, картузь, дурачекъ, сыми!

— Карапузь!.. Отъ земли не видать,—раздумчиво погладилъ Простодумовъ свою бороду.

— Выростетъ, милостивецъ, ей Богу выростетъ,—кланялась въ поясъ женщина.—И годовъ-то ему не бо-знять, сколько... Всего съ Михайлы Архангела четырнадцатый пошелъ.

— Четырнадцатый? Маловатъ, маловатъ...

— Дѣйствительно, Иванъ Семенычъ, мальченка изъ маломѣрныхъ-съ,—замѣтилъ почтительно молодецъ.

— Что?—повернулся къ нему купецъ.

— Маломѣренъ-съ.

— Тебя не спрашиваютъ, и мнѣніевъ мнѣ твоихъ не нужно,—сурово проговорилъ Простодумовъ...

— Виноватъ-съ... я такъ-съ... думалъ-съ...

— А ты думай о дѣлѣ больше, чѣмъ въ хозяйскій разговоръ встрѣвать!.. Взойдите-ка въ лавку...

Простодумовъ повернулся, вошелъ въ лавку и сѣлъ на первую попавшуюся скамейку. Передъ нимъ стояли въ трепетномъ ожиданіи женщина и мальчуганъ, боязливо разглядывавшій обстановку лавки. Въ дальнемъ углу возились рабѣе, укладывавшіе товаръ въ кипы, а у окна, за высокою потемнѣвшей конторкой, заворотивъ низы рукава шубы и держа

въ зубахъ ручку съ перомъ, бойко щелкалъ на счетахъ конторщикъ, среднихъ лѣтъ мужчина, съ багровымъ носомъ и косившимъ лѣвымъ глазомъ.

— Изъ городского,—кивнулъ головой Простодумовъ на мальчугана,—слышалъ, что все можетъ—и писать, и считать. Какъ по имени-то?

— Миша, Мишутка-съ, милостивецъ,—снова поклонилась въ поясъ женщина.

— Михаилъ, значить! Такъ. Да ты сама-то кто ему будешь?

— Крестная, ваше степенство, крестная... сирота онъ у меня, такъ что безъ призору безо всякаго...

— Сирота?—участливо произнесъ Простодумовъ,—н-да! Ну, что-жь... Богъ завсегда на сиротскую долю посылаетъ...

— А вы Бога-для его и возьмите... васъ самихъ Господь не оставитъ за такое вопіющее доброе дѣло, милостивецъ...

— Такъ. Взять не долго... Пишешь-то, Михаилъ, ты какъ?

— А вы испробуйте его подчеркъ, ваше степенство...

— Степановъ!—окликнулъ хозяинъ щелкавшего на счетахъ конторщика,—дай-ка лоскутокъ бумажки, да перо.

Конторщикъ нехотя сдвинулся съ мѣста, положилъ на конторку лоскутъ бумаги съ перомъ и, не взглянувъ ни разу на пришедшихъ, снова съ бѣшеною быстротой принялся гонять звенѣвшія на счетахъ косточки...

— Ну, Михаилъ, пиши!—улыбнулся Простодумовъ, смотря на мальчугана, потиравшего свои озябшія руки.

— Что-съ писать?—спросилъ онъ, обмакнувъ рѣшительно въ чернильницу перо.

— Да что вздумается...

Мальчуганъ нагнулся надъ клочкомъ бумаги, поскрипѣлъ по ней перомъ и подалъ купцу.

— „Михаилъ Андреевъ Подоплекинъ“,—прочиталъ онъ написанное.—Это, значить, тебя такъ величаютъ? Хорошо. Подчеркъ есть и четкость... хорошо.

Простодумовъ подошелъ къ свѣту, посмотрѣлъ еще разъ написанное и проговорилъ:

— Надо, видно, взять... Къ конторскому дѣлу, по видимости, годенъ...

— Ахъ, милостивецъ!—кланялась женщина съ выступившими слезами на глазахъ.—Гору вы съ меня сняли... мальченко онъ рѣдкостный, да нужда-то у насъ большая... своихъ четверо, да отъ старшей дочери-вдовы—трое... А онъ заслужить... Помни, Миша, что хозяинъ тебѣ все тутъ: и мать, и отецъ.

— Ну, ладно... это ни къ чему,—вставая, сказалъ Простодумовъ,—а ты вотъ что, голубушка, приведи его завтра ко мнѣ... домой, въ Рогожскую... Одеженка-то съ бѣльишкомъ у него есть?

— Соберемъ кое-что, милостивецъ...

— „Кое-что!“—ухмыльнулся онъ.—Ну, это „кое-что“ ты

своимъ ребятишкамъ оставь, а я ему все сдѣлаю. Да ты, голубушка, не жланяйся. У меня такое положеніе: въ мальчики я беру на пять лѣтъ и все мое... при выходѣ—двѣсти рублей награды, а жалованье по заслугѣ...

— Батюшка! Милостивецъ! Да я не знаю, какому Богу и молиться...

— Вотъ и дура! Богъ одинъ у всѣхъ, Ему и молись. Да ты вотъ что: ты его оставь. Нонѣ день легкій, четвергъ... такъ онъ у меня съ четверга и зачислится... а завтра ты мнѣ его пачпортъ принеси... на домъ...

— Слушаю, милостивецъ, слушаю.

— Ну, и ступай съ Богомъ, а Михаилъ теперича подъ мое соблюденіе поступилъ... Степановъ! Вотъ тебѣ подручный...

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ тотъ, не отводя глазъ отъ счетъ.

— Приучай къ конторскому дѣлу и мнѣ докладывай, что и какъ...

— Слушаю-съ...

— Ну, голубушка, прощай...

— Прощайте, ваше степенство, пошли вамъ, Господи, и всему вашему семейству... сироту призрѣли... Ну, прощай, Миша, старайся, родной... самъ объ себѣ, потому некому о тебѣ стараться—всякому въ пору до себя...

— Ступай, голубушка, ступай,—проговорилъ ласково Простодумовъ и крикнулъ конторщику:—такъ я того... въ случаѣ чего—въ низкѣ.

— Слушаю-съ,—щелкнулъ тотъ съ какимъ то особеннымъ трескомъ на счетахъ и посмотрѣлъ на мальчугана, прижавшагося къ конторкѣ.

— Ну-съ, Михаилъ Андреичъ, пожалуйста-ка сюда!—проговорилъ онъ, сбрасывая косточки.

Миша нерѣшительными шагами подошелъ къ косому конторщику.

II.

— Перекрести лобъ и садись вонъ за ту конторку,—продолжалъ конторщикъ, роясь въ кипѣ наваленныхъ одна на другую конторскихъ книгъ.—Вотъ тебѣ „продажная“, пиши фактурки...

Конторщикъ швырнулъ толстую книгу на конторку къ Мишѣ и запрыгалъ по лавкѣ, пристукивая каблуками высокихъ и тяжелыхъ ботиновъ.

— Зенькину не пиши только,—ему фактура послана... Да ты умѣешь фактурки-то писать?

— Нѣтъ. У насъ насчетъ фактуръ не учили...

— Не учили, а въ конторщики лѣзешь! Тебя сперва, я вижу, недѣлю драть надо, а потомъ ужъ и въ контору допустить... Приводятъ, тоже, чертей-помощниковъ, которые ни въ зубъ толкнуть... Пиши!

— Да что писать-то, я не знаю,—сconfуженно проговорилъ Миша.

— Эхъ! Говорилъ, отъ Трифонова конторщика переманить, такъ нѣтъ... Учи, вотъ, его...

— Вы покажите только, а я пойму...

— Съ указкой-то всякій дуракъ пойметъ... Вотъ тебѣ фактурки... раскрой „продажную“ и выписывай оттуда съ девятаго числа... Видишь, вотъ тутъ написано: „продано Андрею Яковлевичу Спирину нанки кубовой 120 кусковъ“... ну, и пиши въ фактуркѣ: „продано и отпущено вамъ“. А въ заголовкѣ фамиліи проставь... Понялъ?

— Понялъ. И цѣну проставлять?

— Да какой же это дуракъ въ фактуркахъ цѣну проставляетъ? Цѣны въ счетахъ ставятъ...

— Теперь я понялъ.

— А понялъ—и строчи. Эй, Никишка!—крикнулъ конторщикъ, и изъ-за кипъ товара выползъ мальчуганъ, однихъ почти лѣтъ съ Мишей, въ бараньей шубѣ, крытой чернымъ сукномъ.

— Чай заварилъ?

— Заварилъ, Григорій Григорьичъ...

— Нацѣди! И холодище же нонче—страсть! Максимъ Ивановичу, наше глубочайшее!—повернулся конторщикъ къ вошедшему въ лавку купцу, изъ енотоваго воротника шубы котораго выглядывало разруганное морозомъ круглое лицо.

— Мое вамъ-съ,—дотронулся тотъ до шапки рукою.—Самъ гдѣ?

— Въ низкахъ грѣются-съ...

— Ладно. И мы туда-же. Морозъ ядреный.

— Морозъ первый сортъ, Максимъ Ивановичъ... къ Крещенью-то онъ не попалъ, такъ вотъ сейчасъ начинается-съ...

— А это кто у васъ сидитъ?—кивнулъ купецъ головой на Мишу, который, подувая на пальцы, строчилъ фактурки.—Ровно-бы я его впервой вижу.

— Въ помощники нонче Иванъ Семенычъ взялъ... прямо случаемъ... привела какая то баба. Мой Арсюшка въ больницу попалъ, а письма на троихъ хватить.

— То то, я гляжу, какъ быдто не тотъ... обличье у того совсѣмъ иное... Какъ звать-то?

— Мишкой-съ... Михаиломъ собственно,—поправился конторщикъ.

— Ну, ну... Съ обновкою васъ! Обученъ письму-то?

— Самъ-съ одобрилъ,—пожалъ плечами конторщикъ,—у насъ самъ на счетъ почерку слабъ-съ... Другіе хозяева на дѣло взирають, а нашъ на почеркъ...

— Почеркъ хороший и я люблю. Дѣло дѣломъ, а почеркъ почеркомъ. Ну-ка, милый, покажи-ка мнѣ свой почеркъ,—подошелъ купецъ къ Мишѣ.

Тотъ подалъ ему написанную уже фактуру и углубился въ письмо.

— Четкій почеркъ! Въ родѣ какъ у моего Сафронова... и завитушки пріятныя...

— Ну, я за эти завитушки-то за волосы рву,—проговорилъ конторщикъ, заглядывая черезъ плечо купца въ написанное,— у меня чтобъ безъ завитушекъ, Михайлъ...

— Нѣтъ, отчего же... я завитушки люблю,—говорилъ купецъ, кладя на конторку фактуру и трепля по плечу Мишу,— пиши, братъ, пиши... старайся... Такъ я въ низокъ, Степановъ...

— Пожалуйте-съ, пожалуйста-съ, Максимъ Ивановичъ Сичасъ тамъ въ полномъ разгарѣ-съ...

— А ежели за мной изъ лавки пришлютъ, скажи, что я въ низкѣ...

— Слушаю-съ!.. скажу-съ...

— Я, признаться, думалъ твоего застать, анъ въ низокъ приходится... Лыковъ ежели зайдетъ, прямо къ намъ гони...

— Прогоню-съ...

Конторщикъ выпроводилъ купца и набросился на стаканъ чаю, который ему подалъ мальчуганъ.

— Посмотри, нѣтъ ли въ ряду Евстигнѣя?.. Надо чтонибудь и пожрать...

— Сичасъ-съ...

— Стой! Возьми у него на гривенникъ колбасы жареной съ пеклеванымъ,—вышвырнулъ на конторку онъ два мѣдныхъ пятака:—постой! Да нонче что? Не среда-ли?

— Четвергъ-съ...

— Валяй!..

Конторщикъ отхлебнулъ съ гримасами горячаго чаю изъ стакана, который онъ, для согрѣванія, держалъ обѣими руками, и устался на Мишу.

Миша слѣзъ съ высокаго стула, обитаго клеенкой, и смотрѣлъ на конторщика, подувая на озябшіе пальцы.

— Озябъ?—спросилъ конторщикъ.

— Руки немножко, а то ничего...

— Налей, поди, себѣ стаканъ чаю и грѣй... мы, братъ, всегда тутъ руки себѣ кипяткомъ грѣемъ.

— Нѣтъ, я чаю не хочу. Я нонче пилъ-съ.

— Мало мерзъ, а ты вотъ попробуй, какъ мы, померзнуть, не то запоешь... скворцомъ засвищешь... Много-ль фактурокъ нацарапалъ?

— Всѣ-съ...

— Какъ всѣ? Да ихъ штукъ двадцать надо.

— Всѣ-съ...

Конторщикъ поставилъ стаканъ на конторку, перебралъ фактуры, перечиталъ ихъ, свѣрилъ съ „продажной“ и покрутилъ головой.

— На работу споръ... за поясъ Арсюшку заткнешь... ну-ка,

валяй счета на онья фактуры... по „меморіалу“ цѣны проставь и суммы выведи... Счета-то писать можешь?..

— Видалъ, какъ пишутъ... а что не такъ, вы ужъ покажите...

— Толковому парню я завсегда, братъ, показать могу и даже съ удовольствіемъ... въ суммѣ не ври только, пожалуйста... иной разъ и провѣрить нѣтъ время, а ты наврешь... Арсюшка, походя, вралъ...

— Я постараюсь... я привыкъ всѣ дѣйствія съ провѣркой...

— Вотъ это умно. А то нѣкоторые—только, чтобы съ рукъ спихнуть, а что написалъ и самъ потомъ не разберешь. Пиши, Михайлъ... Миша...

Простодумовъ вернулся изъ низка часамъ къ четыремъ, къ запоркѣ ближе. Въ рядахъ въ то время съ огнемъ не торговали и лавки запирались, смотря по тому: свѣтло или темно въ лавкѣ, но всегда все-таки ждали хозяина, который или являлся изъ трактира и, помолившись на иконы, говорилъ: „запирайте, ребята“, или же присылалъ приказъ съ половымъ: кончать торговлю и отправляться домой.

— Я думаю и того... пора и шабашить,—проговорилъ Простодумовъ, обращаясь къ старшему приказчику, тоже только что явившемуся изъ трактира, гдѣ онъ чуть не цѣлый день „потѣлъ“ съ покупателями.

Это былъ мужчина средняго роста съ маленькими глазками, вѣчно и безпокойно бѣгавшими изъ стороны въ сторону, ни на секунду не останавливавшимися ни на одномъ предметѣ, и густой бородой рыжеватаго цвѣта.

Акимъ Акимычъ, — такъ звали старшаго приказчика, — какъ и большинство приказчиковъ того добраго времени, началъ съ „мальчишковъ“ еще у отца Простодумова, и къ пятидесяти годамъ своей жизни занималъ почетное мѣсто „правой руки“ хозяина, а у купцовъ считался большимъ дѣльцомъ въ торговомъ дѣлѣ.

Многіе переманивали Акима Акимыча къ себѣ, предлагая ему чуть не тройное жалованье, но онъ только посмѣивался себѣ въ бороду и говорилъ:

— Всякій куликъ-съ въ своемъ болотѣ великъ, а мнѣ ваше болото совсѣмъ неизвѣстно.

Когда онъ явился въ лавку, конторщикъ счелъ первымъ долгомъ представить ему Мишу.

— Мой новый помощникъ, Акимъ Акимычъ, на мѣсто Арсюшки-съ...

Акимъ Акимычъ пошмыгалъ безпокойными глазами по миниатюрной фигурѣ Миши и спросилъ:

— Самъ взялъ?

— Самъ-съ... только что вы въ трактиръ съ Рѣпкинымъ ушли... черезъ нашу няньку... сирота онъ, такъ она просила самого...

— Тэкъ-съ... тэкъ-съ,—погладилъ свою бороду Акимъ Акимычъ,—какъ по имени-то?

— Мишей зовутъ...

— Такъ-съ... въ молодцовской-то ему мѣсто найдется?

— Приткнемъ куда-нибудь... Тоже нашъ Иванъ Семенычъ, ей-Богу, народу прибавляетъ, а молодцовская все одна и та же... ночью проснешься—дышать невозможно... я, какъ хотите, на свою квартиру проситься стану...

— Просись, ничего,—ухмылялся Акимъ Акимычъ,—и отпросишься совсѣмъ.

— То-есть какъ-же это такъ?

— А вотъ увидишь. Чтобъ онъ конторщика на свою квартиру отпустилъ, да гдѣ это видано?

— У Насоновыхъ главный конторщикъ на своей живетъ.

— Ну, уже нашелъ тоже на кого указать. Да твой Насоновъ и въ Бога-то не вѣруетъ, за границу ѣздилъ и набрался тамъ всякаго невѣрія... Нѣмецъ сейчасъ къ нему изъ нѣмецкой конторы по своему обучать ходитъ... Какой ужъ онъ православный купецъ... ни Богу свѣча, ни чорту кочерга...

— Не пустить, думаете?

— И не совѣтую проситься. Перетерпи. Дѣло у насъ сейчасъ расширяется, можетъ, лѣтомъ онъ и надумаетъ пристройку учинить. Да и какъ тебя пустить, коли онъ по ночамъ въ контору за разными справками ходитъ? Кто ему и что укажетъ?

— А вотъ Миша... паренекъ толковый... узнаетъ, что и гдѣ записано, завсегда можетъ хозяину показать...

— Развѣ такъ вотъ,—скользнулъ снова своими глазками по Мишѣ Акимъ Акимычъ,—такъ ты сперва приучи его, а потомъ и просишь... Толковъ, говоришь?

— Мальчишка толковый... Куда Арсюшкѣ!

— За уши дери чаще, еще толковѣе будетъ.

— Коли заслужить, что нибудь подобное, за нами дѣло не станетъ. Самихъ били, да драли, чтобъ человѣкомъ сдѣлать... отъ васъ однихъ сколько зуботычинъ переѣлъ...

— Ну, охота тебѣ всякую глупость вспоминать—ухмыльнулся въ бороду Акимъ Акимычъ.—Хуже вѣдь отъ этого не сталъ?

Конторщикъ ничего не отвѣтилъ, а отобралъ нѣсколько книгъ и велѣлъ Мишкѣ захватить ихъ домой...

— Запирайтесь, ребята,—помолился Простодумовъ на висѣвшую въ углу икону, совсѣмъ утонувшую въ сумеркѣ зимняго вечера.—Степановъ! Поди ка сюда...

Конторщикъ вышелъ вслѣдъ за хозяиномъ въ рядъ и спросилъ:

— Что прикажете, Иванъ Семенычъ?

— Ну, что, какъ... мальчишка-то на счетъ письма? Года-два?

— Весьма-съ...

— Въ сурьезъ?

— Въ сурьезъ-съ... Коли не избалуется,—въ письмѣ мы отставать не станемъ...

— Вдвоемъ управитесь?

— Управимся вполнѣ-съ. Арсюшка, по моему, совсѣмъ лишній будетъ, какъ оправится онъ отъ болѣзни...

— Ну, Арсюшку я на фабрику отправлю. А то мнѣ нонче Ѳедоръ Петровичъ хорошаго конторщика предлагалъ. Способенъ къ дѣлу этоть-то? Какъ его?

— Миша-съ?

— Да, Михайлъ.

— Очень даже способенъ, Иванъ Семенычъ. Я сегодня его приглядѣлъ за дѣломъ-то... вполнѣ мнѣ его достаточно.

— Ну, я очень радъ, коли такъ. Такъ ты скажи Никишкѣ, чтобъ онъ его проводилъ домой и внѣдрилъ... Хозяйкѣ чтобъ сказалъ, потому я отседова думаю къ куму проѣхать...

— Слушаю-съ.

— Постель чтобъ ему тамъ сладили, покормили...

— Да ночь-то онъ и на Арсюшкиной кровати проспитъ, а завтра видно будетъ-съ...

— Хорошо... Такъ я того... уѣхалъ!

— Счастливаго пути-съ.

Служащіе гурьбой высыпали изъ лавки въ рядъ. Рабочіе отправились къ себѣ въ артель, а приказчики, вмѣстѣ съ явившимся рядскимъ сторожемъ въ тулупѣ и шапкѣ, надвинутой на глаза, стали запираеть лавку.

Заперли ее нѣсколькими замками, приложили къ бичевкамъ восковыя печати для вѣрности и передали ключи Акиму Акимчу. Затѣмъ, помолвившись на рядскую икону, висѣвшую обыкновенно на срединѣ ряда, приказчики и конторщики раскланялись со старшимъ приказчикомъ и потянулись гуськомъ на Ильинку.

— Простодумовскіе ужъ заперлись, а нашего неизвѣстно гдѣ черти носятъ!—роптали молодцы сосѣдей, позабывшихъ въ теплыхъ трактирахъ и о своихъ лавкахъ, и о промерзшихъ за день насквозь молодцахъ.

Мальчикъ, котораго Миша видѣлъ мелькомъ въ лавкѣ, догнотулся до его руки и проговорилъ:

— Пойдемъ.

Они вышли на Ильинку, спустились мимо биржи на Варварку и зашагали по направленію къ Солянкѣ.

Шли они молча, то рядомъ, то опережая другъ-друга; поворачивая на Солянку, Миша спросилъ своего спутника:

— Далеко до дома хозяина-то?

— Порядочно, — отвѣтилъ тотъ, оживляясь почему-то, — вотъ пройдемъ Солянку, мостъ перейдемъ, и налѣво сичасъ свернемъ... мимо Семена Столпника... Да ты самъ-то изъ какихъ мѣстностей?

— Я? Я съ Арбата...

— Хозяинъ у насъ ничего, — горячо заговорилъ Никишка, —

все больше по трактирамъ сидить... и хозяйка добрая... и прикащикъ главный, Акимъ Акимычъ, тоже больше по трактирамъ сидить...

— А дѣло-то какъ же дѣлается?—удивился Миша.

— Какое дѣло?

— Да торговое-то... ежели всѣ по трактирамъ...

Никишка расхохотался на всю Солянку.

— Ничего ты, Мишукъ, не понимаешь,—говорилъ онъ, захлебываясь отъ смѣху,—сичасъ видно, что новичекъ въ эвтомъ... Да дѣло-то хозяинъ съ главнымъ прикащикомъ только въ трактирѣ и дѣлаютъ... придутъ и сказываютъ конторщику: запиши—такому-то столько продано кусковъ, такому-то столько; а прикащикамъ: отберите и отправьте такимъ-то покупателямъ.

— Просто это ужъ очень...

— У всѣхъ такъ, не у насъ однихъ... всѣ такъ дѣлаютъ... прикащикъ отбираетъ товаръ, а конторщикъ записываетъ... Тебя на сколько лѣтъ въ мальчики-то взяли?

— На пять. А тебя?

— Меня на шесть,—вздыхнулъ Никишка: я плохо грамотѣ обученъ...

— Давно живешь?

— Другой годъ. Вмѣстѣ, значить, ежели Богъ поможетъ, въ люди съ тобой выйдемъ... Кухарка у насъ сердитая... бѣда, ежели не потрапишь...

— А что же намъ кухарка?—легкомысленно воскликнулъ Миша,—мы по торговому дѣлу...

— Ахъ, дуракъ!—снова расхохотался Никишка:—да торговое дѣло гдѣ? Въ городѣ? А домой пришелъ—кухаркѣ старайся: помой вынеси, дровъ нанеси, а потомъ прикащикамъ, да конторщику сапоги вычисти... а утромъ чуть свѣтъ встань, да самоваръ поставь, да посуду чайную изготви, потому въ восемь часовъ утра всѣ молодцы чай пьютъ передъ городомъ...

— Я этого не зналъ,—упавшимъ голосомъ проговорилъ Миша.

— Все, братъ, узнаешь... Мнѣ мать говорить... у тебя, Мишукъ, мать-то есть?

— Нѣтъ... я сирота...

— Ишь ты!—съ сожалѣніемъ протянулъ Никишка:—сирота-а-а! А у меня маменька, слава Богу... такъ она завсегда говорить: человекъ—не собака, ко всякой жисти привыкнетъ... И точно, братъ... привыкъ я, а спервоначалу сбѣжать хотѣлъ...

— Я не сбѣгу,—печально проронилъ Миша,—бѣжать-то мнѣ не къ кому...

— Да и я не сбѣгу къ маменькѣ... ей самой жрать нечего, а я вдругъ сбѣгу... ты пойми...

— Я не сбѣгу,—твердилъ Миша, перехватывая торговые книги другой рукой.

— Терпѣть надо... авось Господь... да у насъ ничего,—сталъ успокаивать Никишка Мишу, посмотрѣвъ на его нахму-